

ОТНОШЕНИЯ СЪВЕРА КЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКѢ *)

Позднѣйшія изслѣдованія нижегородской ярмарки, изслѣдованія, производимыя годами, холодно, тщательно, безъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей, расширили значительно взглядъ русской публики на это замѣчательное экономическое явленіе. Собравъ множество цифръ и фактовъ, изслѣдователи нижегородскаго торжища по-неволѣ должны были задаться слѣдующими двумя вопросами: что такое ярмарка въ русской экономической жизни и достаточно-ли будетъ изучить ее только на мѣстѣ, или прослѣдить ея дѣятельность вездѣ, чуть-ли не по всей необъятной Россіи? Категорически поставленный вопросъ всегда находить себѣ отвѣтъ: нашли его и эти два вопроса. «Нижегородская ярмарка—говорить уважаемый ея изслѣдователь, г. Овсянниковъ,—это ключъ къ уразумѣнію важнѣйшихъ сторонъ нашего отечества»**), и по этой-то причинѣ изучать ее слѣдуетъ столько-же на мѣстѣ, сколько и тамъ, куда проникаетъ ея вліяніе. Съ послѣдней цѣлью изслѣдовано было г. Овсянниковымъ все Поволжье и вся полоса Россіи,

*) Не придавая выводамъ автора предлагаемой статьи, жившаго на Сѣверѣ впродолженіи 6 лѣтъ, и занимавшагося серьезнымъ изученіемъ его (доказательствомъ чему можетъ быть признана, напр., помѣщенная имъ въ журналѣ «Дѣло», за 1869 годъ, статья «Голодные и холодныя мѣста», служащая началомъ предпринятаго имъ обширнаго труда въ этомъ направленіи), значенія всесторонне и оковчательно разрѣшенной задачи объ отношеніяхъ Сѣвера къ нижегородской ярмаркѣ, мы полагаемъ, что статья эта заслуживаетъ однако самаго полнаго вниманія, въ виду впервые затронутого ею вопроса, и было-бы крайне желательно, чтобы она вызвала собою и дальнѣйшія дополненія и разясненія, со стороны лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ.—Ред.

**) «Ниж. Сборникъ», т. I, часть 2, стр. 25.

вплоть до Киева. Но о Сѣверѣ пока не было рѣчи. Вотъ это-то пробѣлѣ намѣ, прожившимъ не одинъ годъ въ томъ холодномъ, заброшенномъ людьми и судьбою краѣ, хочется восполнить здѣсь, по мѣрѣ возможности и силъ.

Сколько намъ извѣстно, дѣланіемъ сыра, на подобіе голландскаго, или швейцарскаго, занимаются только въ двухъ мѣстахъ Сѣвера: въ г. Холмогорахъ и въ вологодскомъ уѣздѣ, въ имѣніи г. Левашева. Оба эти завода имѣютъ равный кругъ дѣятельности и одинаковый сбытъ, съ тою только разницею, что холмогорскій сыръ, большею частью, черезъ Архангельскъ, идетъ за-границу и только небольшая часть его попадаетъ въ Ярославль, Петербургъ, Москву, тогда какъ левашевскій цѣликомъ идетъ въ Москву и Поволжье. Оба эти сыра, въ последнее время, стали привозиться и на нижегородскую ярмарку.

Вслѣдъ за Вологдой, около кубенскаго озера, расположена промышленная устьянская волость, въ народѣ называемая просто Устьянщиной. Въ волости этой, между прочимъ, занимаются всего болѣе копченіемъ бѣломорскихъ селедокъ, которыя, въ особенныхъ, сдѣланныхъ изъ лучины, коробочкахъ, расходятся по всей Россіи и цѣлыми сотнями пудовъ распродаютъ на нижегородской ярмаркѣ. Замѣтимъ при этомъ, что кромѣ Устьянщины, на всемъ громадномъ Сѣверѣ рѣшительно нигдѣ нѣтъ копченій. Это тѣмъ удивительнѣе, что при баснословной дешевизнѣ тамъ лѣса, отъ копченія на мѣстѣ рыбъ, полотковъ, дикихъ гусей, оленьихъ языковъ и задковъ и языковъ бычачьихъ, чего тамъ болѣе, чѣмъ вдоволь, можно-бы получать большій доходъ и расширить кругъ сбыта названныхъ произведеній, потому, что копченье могло-бы идти всюду, даже за-границу. Въ Устьянщинѣ тоже готовятъ до 500 пудовъ телячьего бульона *). Часть этого бульона, а также небольшое число устьянскихъ гребенокъ и щетокъ находятъ сбытъ на нижегородской ярмаркѣ.

*) Устьянщина — родина, известная всему Петербургу, преимущественно же Аппаратному рынку, гребенщиковъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаютъ различныя щетки.

Сѣверъ искони славился своимъ солевареніемъ. Высокій акцизъ, безпошлинный ввозъ известной пропорціи иностранной соли, казенная эксплуатація и рутина самого производства, поддерживаемая отчужденностью Сѣвера отъ общаго движенія впередъ, сдѣлали то, что сѣверное солевареніе, вмѣсто развитія быстро клонилось къ упадку. Въ настоящее время на Сѣверѣ вываривается не болѣе 1,200,000 пудовъ соли, хотя, по настоящему, ея тамъ легко могли бы получать цѣлыми десятками милліоновъ пудовъ, ежегодно. Вологодская губернія получаетъ гораздо болѣе соли, чѣмъ архангельская: въ первой изъ нихъ находятся три большіе солеваренные завода: тотемскій, леденскій и сереговскій (первые два въ тотемскомъ уѣздѣ и послѣдній въ иренскомъ), производящіе, ежегодно, около 900 т. пудовъ соли, которая, на мѣстѣ, продается, среднимъ числомъ, по 39—42 к. за пудъ. Специалисты русскаго соляного дѣла, преимущественно же г. Черняевъ, вычислили, что, въ средней пропорціи, въ Россіи потребляетъ всякій человѣкъ, ежегодно, по 18 ф. соли. Зная хорошо Сѣверъ, мы рѣшаемся утверждать, что даже до этой ничтожной цифры потребления не дошли сѣверяне. А такъ какъ въ архангельской и вологодской губерніяхъ жителей находится около 1,300,000 чел., то туземная соль, въ количествѣ 615,000 пуд., идетъ за предѣлы края. Можно смѣло утверждать, что запродажа, по крайней мѣрѣ, $\frac{1}{3}$ этого числа (около 205,000 пудовъ) совершается при посредствѣ нижегородской ярмарки, хотя очень можетъ быть, что лишь какая-нибудь небольшая частичка этого груза доставляется въ Нижний. Но можетъ быть и то, что сѣверной соли Нижний никогда не видитъ, хотя, какъ сказано было, запродажа значительнаго ея количества совершается при помощи нижегородской ярмарки.

Извѣстно, что вилегодскій и ковенскій льны считаются самыми добротными изъ всѣхъ растущихъ въ Россіи. Первый добывается по р. Вилиади, въ сольвычегодскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи; сѣмена, выписываемыя изъ Риги, возобновляются всякіе три года и ежегодный урожай оцѣнивался, въ послѣднее время, во сто тысячъ рублей серебромъ, при посѣ-

въ 9,330 пудовъ. Это обстоятельство было причиной того, что архангельскія полотна, еще въ предшествовавшемъ столѣтїи, на расхватъ покупались за-границей и что въ селѣ Красавинѣ, отстоящемъ отъ г. Устюга-Великаго на 18 верстъ, въ началѣ настоящаго вѣка, иностранцемъ Люрсомъ основана была полотняная фабрика. Заведеніе это, доведенное теперь до полнѣйшаго развитія, въ настоящее время, принадлежитъ одному изъ богатѣйшихъ людей на Сѣверѣ, архангельскому купцу Грибанову. Оно выдѣлываетъ одного полотна, не считая скатертей, салфетокъ и тому подобныхъ издѣлій, на сумму 150 тыс. р. с., занимаетъ работою не одни сотни рукъ и, служа единственнымъ средствомъ существованія, для дѣлхъ тысячъ окрестнаго народа, своими произведеніями славится до того, что большая половина ихъ идетъ за-границу, и только меньшая распродается въ Россіи, особенно на нижегородской ярмаркѣ.

Въ устюжскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, находится заштатный городъ Лальскъ и въ немъ писчебумажная фабрика г. Сумкина. Сумкинская бумага извѣстна по всему въ Россіи; но рѣдкій, я думаю, изъ пишущихъ на ней, знаетъ о томъ, о чемъ говоритъ весь Сѣверъ, т. е. о страшно бѣдственномъ положеніи рабочихъ этого заведенія. Ни для кого, на Сѣверѣ не новость, что изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, трудящихся на фабрикѣ, врядъ-ли десятая часть не находится въ долгу у хозяина, что поченная плата колеблется отъ 7 до 25 к., что долгъ многихъ таковъ, что для уплаты его потребовалось бы нѣсколькихъ лѣтъ непрерывнаго, тяжелаго труда. Къ этому прибавляютъ, что спросъ на сумкинскую бумагу, которая дѣйствительно очень недурна, растетъ по годамъ, а, рядомъ, заработная плата постепенно уменьшается!... Обороты сумкинской фабрики доходятъ до 100 т. р. с. въ годъ; большая часть этой суммы получается при посредствѣ нижегородской ярмарки. Въ архангельской губерніи писчебумажнаго производства нѣтъ; въ вологодской же, кромѣ лальской, о которой мы сейчасъ говорили, была еще другая фабрика, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ посада Верховажья, что въ вельскомъ уѣздѣ. Часть своихъ издѣлій она тоже сбывала въ Нижнемъ, но въ послѣднее время закрылась.

Въ Устюгѣ-Великомъ (въ старину, во времена св. Софіи, звали его *Гляденъ*), который, во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, лучше своего губернскаго города Вологды, мы видимъ теперь главный рынокъ для щетины, отпускаемой оттуда, черезъ Архангельскъ, за-границу, равно какъ на нужды всей Россіи, вплоть до самого юга. Щетина эта закупается не только на всемъ Сѣверѣ — въ губерніяхъ: архангельской, вологодской, олонечкой, но еще и въ Сибири, Финляндіи, въ губерніяхъ — новгородской, костромской, ярославской, пермской и вятской. Еще недавно велико-устюжская щетина была въ большомъ почетѣ за-границей; но коммерсанты повели дѣло такъ, что добрая эта молва вскорѣ затихла: въ тѣки съ щетиной они стали класть камни и тому подобныя тяжести, для большаго вѣса; хорошую щетину клали на верхъ, а внизъ, что Богъ послалъ — всякую гадость, и разумѣется этимъ отбили отъ себя иностранныхъ покупателей. Въ настоящее время, ежегодный отпускъ щетины изъ Устюга никогда не превышаетъ 10 т. пудовъ; цѣна ея тамъ 12—16 р. с., за пудъ. Но въ Москву и Петербургъ щетины идетъ не болѣе 3 т. пуд.; да посылаетъ туда-же Устюгъ щетинныхъ оческовъ до 300 пудовъ и свиного пуху до 100 пудовъ (цѣна первымъ 5 р. с., а второму отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за пудъ). Половина этого товара, по большей части, въ издѣліяхъ уже, продается на нижегородской ярмаркѣ, гдѣ происходитъ тоже запродажа коровьей шерсти и выдѣланнаго опойка, доставляемыхъ изъ Устюга, первой, въ количествѣ 300 пуд., на 300 р. с. и второго, въ количествѣ 180 пудовъ, на 1,440 р. с. Устюгъ славится также производствомъ особеннаго рода ящиковъ и шкатулокъ. Дѣлаются они съ узорчатой, жестяной обивкой, покрытой, по большей части, зеленымъ и фіолетовымъ цвѣтами и съ особеннаго механизма замками, издающими звукъ, при отпираніи. Иные устюжскіе ящики и шкатулки бываютъ до того отдѣланы, что продаются на мѣстѣ отъ 6 и до 10 р. с.; но маленькіе, простые можно купить даже и за гривенникъ. Производство это можно оцѣнить, по крайней мѣрѣ, въ 10 т. р. с., потому, что издѣлія эти расходятся по всей Россіи. Ихъ можно купить и на нижегородской ярмаркѣ.

Изъ довольно промышленнаго занятаго города Красноборска, лежащаго на Сѣв. Двинѣ, въ сольвычегодскомъ уѣздѣ, появляется на нижегородской ярмаркѣ довольно значительная партія цѣстныхъ бѣшаконъ. Дѣлаются они изъ шерсти, очень легки и прочны, а главное, всего болѣе замѣчательны тѣмъ, что отъ солища и мытья не выцѣтаютъ никогда. Цѣна ихъ бываетъ различная, смотря по отдѣлкѣ, рисунку и величинѣ: есть и въ полтинникъ, есть и въ нѣсколько рублей. Красноборскіе бѣшаки, мало того, что славятся на всемъ Сѣверѣ и приходятъ въ Нижній, но, черезъ ирбитскую ярмарку, они даже попадаютъ въ Сибирь. Производство ихъ даетъ прибыльный заработокъ многимъ изъ красноборскихъ жителей, которые знаютъ, будто-бы, особый секретъ для ихъ окраски.

На всемъ громадномъ Сѣверѣ разбросаны, во множествѣ, различныя металлическія руды, но между ними первое мѣсто принадлежитъ желѣзнямъ. Послѣднихъ особенно много въ сѣверо-восточной части вологодской губерніи, гдѣ формация земли вполне уже однородна съ Ураломъ, къ которому она примыкаетъ. Въ послѣдней мѣстности находятся, единственныя на всемъ Сѣверѣ, три желѣзодѣлательныя и чугунолитейныя заводы—кажемскій, нючпасскій и нювчимскій, извѣстные подъ общимъ именемъ *кажемскихъ* заводовъ. Основаны они еще въ концѣ истекшаго вѣка нѣсколькими сѣверными купцами и, до послѣдняго времени, находились во владѣніи многихъ лицъ, пока въ 1858 году не купилъ ихъ, за пять милліоновъ рублей сер., извѣстный петербургскій капиталистъ г. Бенардаки. Дѣятельность этихъ заводовъ, за послѣднее время, выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: ежегодно, съ 1860 по 1863 годъ, приготавлилось на нихъ чугуна по 117,639 пудовъ, проплавливалось желѣзныхъ рудъ по 321,889 пудовъ и дѣлалось кричнаго желѣза по 75,503 пуда. Сверхъ того одного ваграночнаго литья производилось до 4 т. пудовъ: все это была или посуда, или различныя кабинетныя вещи—чернильцы, прессъ-панье, подсвѣчники, песочницы, вазы, рамки для картинъ, сдѣланныя чрезвычайно изящно и продаваемыя очень недорого. Почти все литье и большая половина желѣза (зна-

чить, около 40 т. пудовъ) сбывалось на нижегородской ярмаркѣ. Заводы эти принадлежать къ уральскому горному округу и находятся въ устьсысольскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, на растояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ уѣзднаго города. Но не взирая на то, что они преизобиловали рудой, богатствомъ собственнаго лѣса, дешевизной рабочихъ рукъ и счастливымъ положеніемъ, при судоходныхъ рѣкахъ, имѣющихъ связь съ Сѣв. Двиной, а слѣдовательно и со всѣми водными системами страны, что все вмѣстѣ давало полную возможность и самое вѣрное ручательство въ развитіи, заводы эти, къ сожалѣнію всѣхъ, желающихъ добра Сѣверу, людей, были неожиданно закрыты г. Бенардаки, въ 1863 г., и это закрытіе, хотя и временное, продолжается до сихъ поръ. Говорятъ, что оно принесло устьсысольскому населенію громадный уронъ, и вызвано было, будто, тѣмъ обстоятельствомъ, что заводы, по представленію управляющихъ, которые, по слухамъ, вели дѣло спустя рукава, въ послѣднее время, приносили самый микроскопическій доходъ владѣльцу. Какъ-бы то нибыло, а всѣ увѣрены въ томъ, что въ виду развитія повсюду желѣзно-дорожнаго и пароходнаго дѣла, которое наконецъ должно коснуться и Сѣвера, кажемскіе заводы придутъ опять въ дѣйствіе, не безъ пользы, конечно, для ихъ владѣльца и всего Сѣвера вообще. На этомъ основаніи мы не могли обойти ихъ здѣсь молчаніемъ.

Точильный камень добываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Сѣвера, но всего болѣе онъ получается изъ такъ называемой *Брусяной горы*, находящейся въ устьсысольскомъ уѣздѣ вологодской губерніи, у самого уже подножія уральскаго хребта. Добываніе точилъ и брусьевъ изъ этой горы восходитъ къ довольно отдаленной старинѣ. Такъ мы видимъ, что гора эта, въ 1648 году, отдана была, по грамотѣ царя Михаила Федоровича, обществу печорскому и устьнемскому, для разработки, въ ихъ пользу: «ибо (такъ говорилось въ грамотѣ) земли у нихъ было мало и урожай плохой.» Льготу эту, съ территоріальнымъ увеличеніемъ пространства, подтвердили, своими грамотами, цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, и на основа-

ни этих-то документовъ, Брусяная гора находится во владѣніи крестьянъ и понинѣ. Постоянно она отдается въ аренду: сначала чердынцамъ, послѣ устьсысольскимъ купцамъ Сухановымъ, а нынѣ, съ 1864 года, устьсысольскому купцу Михаилу Латкину (брату недавно умершаго Латкина, который столько трудился на пользу печорскаго края). Послѣдняя сдѣлка заключена на чрезвычайно выгодныхъ, для арендатора, и страшно тяжелыхъ, для владѣльцевъ горы, условіяхъ. Контрактъ имѣетъ силу на 12 лѣтъ, значить до 1876 года, и на основаніи его Латкинъ платитъ ежегодно печорскому и устьнемскому обществамъ по 2,520 р. с., но за то они обязаны доставлять арендатору рабочихъ, сколько ему понадобится, по слѣдующей, болѣе чѣмъ скудной, таксѣ: за обработку и доставку съ мѣста на якшинскую пристань (500 верстъ, по водѣ) пуда такихъ точилъ, которыя не вѣсятъ болѣе 5 пудовъ—35 к.; за вѣсящіе отъ 5 до 30 и болѣе пудовъ—по 28 к. съ пуда; за обработку и доставку тысячи брусевъ топорной работы—по 21 р. 20 к.; шлифованныхъ—по 27 р. 20 к. Если брусья и точилы доставляются на мылвинскую пристань, которая отъ Брусяной горы на 150 верстъ ближе, чѣмъ якшинская, то арендаторъ дѣлаетъ слѣдующую скидку: по 4 к. съ пуда на точилахъ и 2 р. 80 к. съ тысячи брусевъ. Такимъ образомъ, работающій на Брусяной горѣ, за четыре мѣсяца самой тяжелой, убійственной, для здоровья, работы, можетъ получить, обработавъ и доставивъ въ Якшино 125 пудовъ точилъ и 1000 штукъ брусевъ, лишь 39 р. 38 к., или по 9 р. 84¹/₂ к. въ мѣсяць, и то, нужно прибавить, на своихъ харчахъ, за которые берутъ въ три-дорога, работая постоянно на открытомъ воздухѣ, въ мѣстности съ суровымъ климатомъ и живя, во все это время, въ бревенчатыхъ шалашахъ, гдѣ даже печей нѣтъ. Работа по-истинѣ гаторжная, которую отчасти можно объяснить лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что тяготѣніе капитала надъ рабочей силой на Сѣверѣ значительно больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и что торги на Брусяную гору, по странному стеченію обстоятельствъ, производятся не въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, напр. въ Петербургѣ, или хоть въ Вологдѣ, гдѣ конкуренція могла-бы быть шире, а слѣдователь-

но и условія гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ Устьсмысльскѣ. Ежегодно вырабатывается на Брусняной горѣ точиль до 50 т. пудовъ и брусевъ до 400 т. штукъ, что считая по 1 р. 50 к., за пудъ точиль, и 150 р. с., за тысячу брусевъ, составитъ сумму въ 135 т. рублей сер. Весь этотъ грузъ сбывается на двухъ ярмаркахъ—ирбитской и нижегородской, но на послѣдней болѣе, чѣмъ на первой; для мѣстнаго-же потребленія идетъ очень мало.

Сѣверъ и лѣсъ—два понятія нераздѣлимыхъ: дѣйствительно, обиліе лѣса, безъ Сѣвера, и Сѣверъ, безъ обилія лѣса, представить себѣ очень трудно. Переходя отъ словъ къ цифрамъ, мы укажемъ на то, что въ вологодской и архангельской губерніяхъ лѣсныя дачи занимаютъ громадную площадь въ 58,184,959 десятинъ; значить, на всякую единицу нынѣшняго сѣвернаго населенія, считая даже въ числѣ его стариковъ, женщинъ и дѣтей, приходится по 45 десятинъ. Замѣтимъ при этомъ, что на Сѣверѣ растетъ самый цѣнный лѣсъ—кедръ и лиственница, на пространствѣ цѣлыхъ миллионовъ десятинъ. Поэтому не покажется парадоксальнымъ мнѣніе г. Данилевскаго, что если-бы все теперешнее сѣверное населеніе предалось вдругъ лѣсоисстребленію, при чемъ свирѣпствовало-бы также, какъ въ средніе вѣка, проказа, пляска св. Витта, пироманія и прочія повальныя немощи, и если-бы рубили лѣсъ старики и грудныя дѣти, съ утра и до вечера, всѣ 365 дней въ году, что само-собою разумѣется, никогда не мыслимо, то и тогда даже сѣверные лѣса остались-бы невредимы, потому что ежегодный ихъ приростъ превышалъ-бы значительно вырубленное, такимъ образомъ, количество лѣса. При такихъ условіяхъ производство древесныхъ продуктовъ на Сѣверѣ должно быть значительно, что мы и видимъ въ дѣйствительности. Смолы, пещу, дегтю, канифоли, скипидара, терпентина, по показанію однихъ, въ количествѣ 200 т. пудовъ, а по мнѣнію другихъ, 400 т. пудовъ, идетъ ежегодно съ Сѣвера на югъ, въ Ярославль, Москву, города, южнѣе Москвы лежащіе, по всему Поволжью и даже на Кавказъ и въ Персію. Значительная часть этого товара минуетъ всегда Нижній, но за то большинство

сдѣлокъ съ нимъ, простирающихся на сотни тысячъ рублей, реализуется, т. е. оплачивается, на нижегородской ярмаркѣ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ вологодскихъ произведеніяхъ, которыя, хотя въ самой незначительной степени, находятъ сбытъ на нижегородской ярмаркѣ. Это—устюжская черневая работа и бивокуръинскія цѣпочки. Черневая работа производится въ г. Устюгѣ-Великомъ, однимъ лишь человѣкомъ, мѣщаниномъ Кошковымъ, котораго походаженія такъ замѣчательны, что мы позволяемъ себѣ передать ихъ здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ. Въ молодости своей, Кошковъ, говорятъ, былъ звонаремъ, при одной изъ устюжскихъ церквей. Въ одно прекрасное утро, на какую-то серебрянную вещицу онъ навелъ такую прекрасную эмаль, что ею восхищались всѣ. Разумѣется, посыпались многочисленные заказы и Кошковъ пересталъ быть звонаремъ. Благодаря Сѣверной Движѣ, Устюгъ имѣетъ большія и непрерывныя связи съ Архангельскомъ, гдѣ какъ извѣстно, иностранцевъ, преимущественно-же англичанъ, живетъ значительное число. Послѣдніе оцѣнили, какъ слѣдуетъ, талантъ Кошкова и предложили ему, за какую-то огромную сумму, продать имъ секретъ, или хотъ переселиться въ Англію. Пока Кошковъ раздумывалъ о томъ, что ему дѣлать, слухи о сдѣланныхъ ему англичанами предложеніяхъ дошли до Петербурга, откуда, въ скоромъ времени (это было въ сороковыхъ годахъ), пришло распоряженіе, чтобы Кошкова изъ Устюга никуда не выпускать, имѣть за нимъ строгое наблюденіе, выдавать ему какое-то, впрочемъ, самое незначительное, пособіе и мѣшать пить водку, до которой Кошковъ, будто-бы, былъ большой охотникъ. Я видѣлъ этого замѣчательнаго человѣка въ 1865 году; тогда онъ былъ старъ и, увѣряли, въ нищетѣ. Секретъ остается постоянно при немъ; очень можетъ быть, что Кошковъ съ нимъ и въ могилу сойдетъ. Эмаль его имѣетъ, даже по отзыву европейскихъ ювелировъ, качества, не встрѣчаемыя до сихъ поръ въ техникахъ: она наводится на всякомъ металлѣ и держится на немъ до того крѣпко, что ее рѣшительно ничѣмъ нельзя вывести; всякій рисунокъ, даже самый нѣжный и сложный, она передаетъ

съ поразительной отчетливостью и красотой, и притомъ всего въ нѣсколько часовъ времени, такъ что имѣеть поразительное сходство съ фотографіей. Г. Кошковъ—человѣкъ замѣчательно честный, обладающій далеко недюжиннымъ умомъ, хотя образованія онъ не получилъ ровно никакого. Очень жаль, что жизнь его устроилась не такъ, какъ-бы слѣдовало и что объ этомъ человѣкѣ, произведенія котораго цѣнятся въ Европѣ, въ Россіи никто не знаетъ и даютъ ему преспокойно жить въ нищетѣ, въ одной изъ сѣверныхъ трущобъ. Г. Кошковъ наводитъ эмаль, преимущественно, на ложки, медальоны, запонки, браслеты; работу свою цѣнить не очень высоко и, въ послѣднее время, занимался уже очень мало. Кошковскія издѣлія расходятся всего болѣе на Сѣверѣ и, черезъ Архангельскъ, за-границей; но нѣкоторыя изъ нихъ, при посредствѣ устюжскихъ и вологодскихъ купцовъ, попадаютъ на нижегородскую ярмарку.

Кивокурье, село сольвычегодскаго уѣзда, лежащее на правомъ берегу Сѣверной Двины, противъ деревни Ягрыша. Всѣ его жители заняты выдѣлываніемъ особенныхъ желѣзныхъ цѣпочекъ, которыя состоятъ изъ такихъ крошечныхъ замочковъ, что 60—120 штукъ вѣсятъ лишь золотникъ. У всякаго замочка виситъ ключикъ, которымъ можно его отпереть. Замочки называются одинъ на другой, что составляетъ цѣпь, которая въ длину бываетъ отъ двухъ до трехъ четвертей и стоитъ отъ 5 до 10 р. с. Работа довольно отчетливая и общій видъ цѣпочки красивый. Замѣчательно еще, что такія крошечныя вещи дѣлаются въ Кивокурьѣ самыми обыкновенными инструментами. Лучшимъ мастеромъ считался, въ послѣднее время, крестьянинъ Юницынъ, цѣпочки котораго идутъ въ Петербургъ. Нѣкоторые сольвычегодскіе и устюжскіе купцы (Хаминъ, Шабалинъ и проч.) стали вывозить, въ послѣдніе годы, кивокурьевскія цѣпочки въ Нижній.

Архангельская губернія относится къ нижегородской ярмаркѣ тою только частью, которая находится между правымъ берегомъ Сѣверной Двины и уральскимъ хребтомъ. Особенно эти отношенія сильны и явственны въ Печорскомъ краѣ, на

столько же богатомъ своими естественными произведеніями, на сколько заброшенномъ теперь людью.

Проживающій въ печорскомъ селеніи, Великой Вискѣ, купецъ С. И. Володинъ, устроилъ тамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, замшевый заводъ, который занимаетъ собою нѣсколько десятковъ рукъ и производитъ товара около 60 т. штукъ, на сумму, примѣрно, 97,500 р. с. Это единственный замшевый заводъ на всемъ Сѣверѣ. Великовисочная замша хвалится очень въ торговлѣ и продается отъ рубля до 2 р. 50 к., за шкурку. Она бываетъ всѣхъ цвѣтовъ, и, при посредствѣ нивольской пинежской ярмарки, расходуется по всему Сѣверу, закупается для Петербурга и Москвы. На нижегородскую ярмарку попадаетъ она уже изъ послѣднихъ городовъ; сверхъ того ее сюда привозятъ ижемскіе зыряне, вмѣстѣ съ другими печорскими товарами. Великовисочная замша не имѣла-бы соперниковъ въ Россіи, если-бы ее приготовляли немного лучше, а именно, побольше держали въ известкѣ, и растворяли въ менѣе крѣпкомъ щелокѣ, что дѣлается теперь, потому, что получая со штуки отъ 15 до 20 к. за трудъ, работники норовятъ дѣлать кое-какъ, лишь-бы поскорѣе только было. На Терскомъ берегу, гдѣ, какъ извѣстно, водятся тоже олени, лопари изготовляютъ, домашнимъ образомъ, замшу и лосину, извѣстныя въ поморской торговлѣ подъ общимъ именемъ *ровдюги*. Лопарскую лосину очень хвалятъ; за то замша выдѣлывается лопарями значительно ниже печорской, великовисочной. Оба эти продукта, т. е. замша и лосина, при посредствѣ Шунги, торговаго села повѣнецкаго уѣзда, олонецкой губерніи, городовъ Каргополя и Петербурга, появляются иногда, хотя нужно полагать въ очень ограниченномъ количествѣ, на нижегородской ярмаркѣ. Въ селѣ-же Великой Вискѣ г. Володинъ началъ, въ послѣднее время, варить клей, изъ оленьихъ роговъ, который тоже попадаетъ на нижегородскую ярмарку. Судя по тому, что мезенскіе олени теряютъ, ежегодно, отъ 20 до 30 тысячъ роговъ, количество вполне достаточное для приготовления 5 т. пудовъ клею, нужно предполагать, что великовисочное клеевареніе составитъ довольно видное на Сѣверѣ

производство, могущее принести около 20 т. сер. ежегодного дохода, если, разумѣется, цѣны на этотъ продуктъ, имѣющій такое большое примѣненіе въ технику и жизни, останутся нынѣшнія, т. е. по 4 р. с. за пудъ.

До сихъ поръ печорцы продавали, изъ морскихъ промысловъ, до 10 т. пудовъ сала, до 5 т. тысячъ шкуръ бѣлужныхъ, тюленыхъ, нерпъ, моржей и морскихъ зайцевъ, да сверхъ того порядочное количество моржовыхъ и мамонтовыхъ тинковъ, т. е. зубовъ (пара первыхъ вѣсить отъ 20 фунтовъ до 1 пуда), гагачьяго пуха, пера и полупушья отъ куропатокъ, которыхъ на Печорѣ излавливаютъ иногда, въ хорошіе годы, (жалѣя пороху, ихъ тамъ не бьютъ) до 2 миллионъ штукъ, а мясо выбрасываютъ. Отпускается тоже изъ Печоры: оленьихъ мѣховъ и шерсти 31,600 штукъ, оленьей шерсти 4 т. пудовъ, оленьяго мяса, въ задкахъ и языкахъ, 3 т. пудовъ. Къ этому еще нужно причислить: бѣлокъ 300 т. штукъ, горностаевъ 18 т., зайцевъ обыкновенныхъ 30 т., норокъ 1 т., лисицъ 2,250, песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ 3,200, крестоватиковъ 7 т., рысей 200, буницъ 600, выдръ 225, росомахъ 100, волковъ 175, медвѣдей 260, лебяжьихъ шкуръ 1200, множество гусинаго пера, пуху и полупушья. Значительная часть всѣхъ этихъ товаровъ, оцѣниваемая, въ общей сложности, въ 250 т. рубл. сер. (173,750 р. с. предметы оленеводства, 37,750 морскіе промыслы и остальные успѣхи охоты), не минуетъ нижегородской ярмарки. Дѣлается это такимъ образомъ. Одна часть привозится въ Нижній ижемцами, т. е. живущими въ печорскомъ богатомъ селѣ Ижмѣ, зырянами, которые обобравъ, своей эксплуатаціей, самоѣдовъ и мѣстныхъ русскихъ, сдѣлались настоящими господами всего печорскаго края. Въ послѣднее время нижегородская ярмарка видитъ у себя не одного ижемца. Другая часть соприкасается съ нижегородскимъ торжищемъ при помощи чердынцевъ, которые считаются еще болѣе тяжелыми, чѣмъ ижемцы-зыряне, эксплуататорами злополучнаго печорскаго края. Они доставляютъ на Печору хлѣбъ, предметы для одежды, чай, до котораго печорцы такіе страстные охотники, какъ самоѣды до воды. Чер-

дынцы предпочитают, по большей части, отпускать свой товар печорцамъ въ долгъ и берутъ за него всегда не деньги, а мѣстные продукты—сало, рыбу, мѣха, мясо, шкуры и т. д. Какіе громадные, при такой торговлѣ, проценты остаются въ ихъ пользу, это можно видѣть изъ слѣдующаго факта: въ г. Саранулѣ, вятской губерніи, они покупаютъ кулъ муки по 4 р. с., и продаютъ его печорцамъ по 10 р. с., значить, получаютъ 150% на свой пай. Недаромъ на Печорѣ сложилась, про чердынцевъ, поговорка, что печорцевъ они объѣли совершенно, и теперь только выѣдаютъ мозгъ изъ костей. Чердынцы большую половину того, что получаютъ съ Печоры, продаютъ на нижегородской ярмаркѣ, гдѣ, въ тоже время, закупаютъ, для печорцевъ, чай, а въ вятской губерніи, для нихъ же, хлѣбъ.

Печорскій край торгуетъ, особенно на нижегородской ярмаркѣ, оленьимъ мѣхомъ, извѣстнымъ на Сѣверѣ подъ характеристическимъ именемъ *оленьей постели*. Оленьи мѣхъ имѣетъ свои подраздѣленія: шкура оленя, не имѣющаго болѣе мѣсяца, называется *пыжикомъ*, отъ мѣсяца до девяти—*неблюемъ* и потомъ просто *олениной*. Изъ пыжиковъ дѣлаются шапки, грѣющія въ сорокоградусные морозы и которыхъ распространеніе, по своей дешевизнѣ, и пригодности, желательно было-бы вездѣ, гдѣ только бывають суровыя зимы. Изъ неблюя дѣлають малицы; малицей называется шуба, сшитая на манеръ рубашки, мѣхомъ внутрь. Старый олень идетъ, по большей части, на совикъ, одѣяніе, похожее на малицу, съ тою только разницею, что къ нему придѣлывается капюшонъ и рукавицы и шьется оно мѣхомъ наружу. Неблѣю всего дороже: иногда штука обходится рублей въ 15 серебромъ. Шкура стараго оленя цѣнится отъ 3 до 10 р. с.; пыжика отъ 30 коп. до 1 рубля. Шкура изъ ногъ оленя называется *камусиной*, и идетъ на липты, родъ чулковъ, мѣхомъ внутрь, тогда какъ пимы, надѣваемые, какъ сапоги, на липты, шьются мѣхомъ наружу.

Мѣха и предметы морскихъ промысловъ идутъ въ продажу не только съ одной Печоры, но и изъ другихъ мѣстъ Сѣвера. Главными рынками ихъ сбыта нужно называть: Петербургъ и

Москву, но и на долю нижегородской ярмарки достается ихъ нѣкоторая часть. Сѣверные мѣха закупаются, преимущественно: на никольской и благовѣщенской ярмаркахъ, въ Пинегѣ, на евдокіевской ярмаркѣ, въ селѣ Благовѣщенскомъ, шенкурскаго уѣзда, и на различныхъ зимнихъ ярмаркахъ вологодской губерніи, особенно-же въ селахъ Устьвымѣ и Важнѣ, яренскаго уѣзда, въ городахъ Устьсысольскѣ и Устюгѣ. Выдѣлка сѣверныхъ мѣховъ производится: въ Архангельскѣ (очень не много), въ Каргополѣ, олонецкой губерніи, въ Вологдѣ, гдѣ занимается этимъ богатый, торгующій уже давно мѣховымъ товаромъ, торговый домъ Нечаевыхъ, въ Галичѣ, костромской губерніи, гдѣ особенно хвалятъ фирму мѣховыхъ торговцевъ, купцовъ Бородатовыхъ, и наконецъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ярославской губерніи. Изъ этихъ уже мѣстъ, весь, полученный съ Сѣвера, мѣховой товаръ идетъ въ столицы; изъ этихъ же мѣстъ онъ является и на нижегородской ярмаркѣ, гдѣ сѣверныхъ мѣховъ, въ невидѣланномъ еще видѣ, почти нельзя встрѣтить. Что-же касается до предметовъ морскихъ промысловъ, т. е. шкуръ, кожъ, сала, то на нижегородской ярмаркѣ находятъ они самый незначительный сбытъ, такъ какъ въ столицы идетъ ихъ почти все количество.

Говоря о морскихъ промыслахъ Сѣвера, нельзя обойти молчаніемъ недавно основанный, на мурманскомъ берегу, близь моря, крестьяниномъ шенкурскаго уѣзда, Шашковымъ, единственный во всей Россіи, заводъ, для выдѣлки, столь благодѣтельнаго для здоровья, тресковаго жира. Цѣлительнымъ продуктомъ этимъ снабжаются, изъ названнаго завода, весь Сѣверъ и обѣ столицы; но частью, тресковый жиръ запродаётся и въ другіе города, при посредствѣ нижегородской ярмарки.

Извѣстно, что кедровымъ лѣсомъ заняты на Сѣверѣ, особенно-же въ Печорскомъ краѣ, цѣлыя сотни тысячъ десятинъ пространства и что дерево это даетъ орѣшки, служащіе лакомствомъ русскаго народа. На мѣстѣ пудъ такихъ орѣшковъ стоитъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р. с. и добыча ихъ служить глав-

нымъ побужденіемъ къ истребленію дорогаго кедроваго лѣса, по той причинѣ, что орѣшки эти растутъ обыкновенно на вершинѣ дерева, не желая карабкаться на которое, крестьяне предпочитаютъ срубить его совершенно и съ лежачаго собирать уже плодъ. Со всего Сѣвера получаютъ орѣшковь отъ 4 до 6 тысячъ пудовъ, въ годъ. Около половины этого числа сбывается на нижегородской ярмаркѣ.

Съ 1864 года, сталъ варить въ Пинегѣ, нѣкто Владиславъ Ключковскій, мясной бульонъ. Другой мясной бульонный заводъ существовалъ еще прежде, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ имѣніи предприимчиваго тамошняго землевладѣльца, г. Левашева. Оба эти бульона, съ нѣкотораго времени, стали продаваться на нижегородской ярмаркѣ. Бульонъ г. Ключковского, приготовленный изъ лучшаго печорскаго и холмогорскаго мяса, въ смѣси съ рябчиками, тетерками и другой сѣверной дичью, превосходитъ значительно, своею добротою, бульонъ левашевскій и потому продается гораздо дороже послѣдняго, отъ 35 до 40 р., за пудъ, тогда какъ левашевскому — 12 р. с., за пудъ, красная цѣна. Пинежскаго бульона готовится въ годъ не болѣе 50 пудовъ; г. Левашевъ вывариваетъ его около 500 пудовъ. Въ послѣднее время г. Ключковскій сталъ выдѣлывать, тоже въ Пинегѣ, клей изъ рыбихъ головъ, преимущественно-же, изъ головъ грески, которыя на Сѣверѣ выбрасываются. Это первая попытка, въ этомъ родѣ, на Сѣверѣ, и насъ убѣрили, что клей получается превосходный и вскорѣ долженъ появиться на нижегородской ярмаркѣ.

Во всей Россіи, какъ она ни велика, костяной промыселъ существуетъ на одномъ только Сѣверѣ, около города Холмогоръ, по всей ухтъ-островской волости, особенно-же на Матигорахъ. Первымъ сѣвернымъ костяникомъ считается зять Ломоносова, Головинъ, научившійся этому мастерству въ Петербургѣ. Послѣ него знаніемъ своего дѣла славился нѣкто Лопатинъ, имѣвшій случай поднести свои издѣлія, въ 1818 г., Императору Александру Павловичу. Теперь всѣхъ славнѣе крестьянинъ Бобрецовъ, живущій въ селеніи Матигорахъ.

Нѣкоторыя изъ его издѣлій можно назвать безукоризненно-хорошими. Холмогорскіе костяники дѣлають различныя вещи: шкатулки, съ арабесками, по крышкѣ и по стѣнкамъ, подобранными разноцвѣтной фольгой, ножи, чайныя ложки, вилки, шахматы, фермуары, ножи для разрѣзыванія печатныхъ листовъ, распятія, иконы, вырѣзаемыя по кievскимъ и московскимъ святцамъ. Все это дѣлается или изъ говяжьихъ костей, напр. шкатулки, или изъ костей моржовыхъ и мамонтовыхъ; кость моржовая менѣе плотна и бѣла, мамонтовая-же отличается поразительной бѣлизной и млечностью цвѣта, почему подѣлки изъ нея цѣнятся всего дороже. Кость, въ сыромъ небудѣланномъ видѣ, т. е. моржовые клыки и мамонтовые рога, холмогорскіе костяники закупаютъ обыкновенно на двухъ пинежскихъ ярмаркахъ (никольской и благовѣщенской), куда ихъ привозятъ, съ дальней Печоры, ижемскіе зыряне и самоѣды большеземельской и танинской тундръ. Холмогорскіе костяники—все до одинаго, безъ исключенія—неграмотны, неумѣютъ рисовать, работаютъ или по самымъ плохимъ рисункамъ, или всего чаще даже и безъ нихъ, на память, на махъ, какъ говорится, и не имѣютъ передъ собой никакихъ дѣльных образцовъ. Послѣдствіемъ всего этого выходитъ то, что холмогорскіе костяныя издѣлія не выдерживаютъ никакой критики, въ сравненіи съ иностранными, особенно съ нюрнбергскими, такъ поразительно изящными. Однако промыселъ растетъ съ каждымъ годомъ; въ послѣднее время явился даже спросъ за границу, и ежегодно холмогорскіе костяники продають своихъ издѣлій, на сумму отъ 15 до 25 т. рублей серебромъ. Болѣе дешевыя изъ этихъ костяныхъ вещей можно встрѣтить въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, напр., ложечки, ножи, распятія. Нижегородская ярмарка покупаетъ холмогорскихъ костяныхъ издѣлій, на довольно значительную сумму, которая годъ-отъ-году увеличивается прогрессивно.

Прибавимъ, въ заключеніе, что на нижегородскую ярмарку идутъ изъ различныхъ мѣстъ Сѣвера—войлоки, катаники, много шерсти и кудели. Въ архангельской и вологодской губерніяхъ насчитываютъ нѣсколько десятковъ кожевенныхъ заво-

довъ, изъ которыхъ извѣстное количество юфти, кожъ и оной-ка идетъ на нижегородскую ярмарку. Такъ одинъ Устюгъ высылаетъ, всякій годъ, около 200 пудовъ опойка, за который платится, на мѣстѣ, отъ 7 до 9 р. с. за пудъ.

Увѣряютъ, что Сѣверъ потребляетъ, ежегодно, болѣе, чѣмъ на 3 милліона колоніальнаго и бакалейнаго товаровъ. За исключеніемъ нѣкоторой части архангельской губерніи, примыкающей къ петербургскому тракту и той части вологодской, которая граничитъ съ вятской губерніей, остальная часть Сѣвера снабжается названными товарами, не черезъ Петербургъ, а черезъ Москву. Можно смѣло сказать, что потребляемыя цѣлымъ Сѣверомъ—чай, дешевые ситцы, и прочія матеріи, толстыя сукна, металлическія вещи—приходятъ въ архангельскую и вологодскую губерніи, при посредствѣ Нижняго-Новгорода. Не говоря уже объ Архангельскѣ, Вологдѣ и Устюгѣ, какъ о мѣстахъ съ непрерывнымъ сношеніемъ съ нижегородской ярмаркой, почти всѣ прочіе города Сѣвера, ежегодно, посылаютъ своихъ торговыхъ людей въ Нижній. Даже самые отдаленные пункты не дѣлаютъ въ этомъ случаѣ, исключеній. Такъ, мы, напримѣръ, знаемъ, что одинъ изъ значительнѣйшихъ пинежскихъ торговцевъ, г. Володинъ ѣздитъ, ежегодно, въ Нижній; тоже самое нужно сказать о Холмогорахъ, Онегѣ, Сольвычегодскѣ, Яренскѣ, Усть-сысольскѣ, Кемѣ. На сколько Архангельскъ заинтересованъ нижегородской ярмаркой, можно судить изъ того, что въ 1867 г. поднять былъ тамъ, очень серьезно, вопросъ о томъ, чтобы переиначить сроки лѣтней маргаритинской ярмарки, такъ какъ, по словамъ мѣстнаго купечества, совпадая съ нижегородской, она дѣлала труднымъ посѣщеніе послѣдней торговыми людьми Архангельска. Приведенный фактъ тѣмъ болѣе важенъ, что Архангельскъ, находясь въ такомъ отдаленіи отъ Нижняго и имѣя свой собственный морской портъ, изъ котораго въ Англію обыкновенныя суда идутъ 15—18, а пароходы 5—6 сутокъ, могъ бы изолировать себя отъ нижегородской ярмарки; но такъ какъ на дѣлѣ мы этого не видимъ, то значитъ, что между ними и Нижнимъ существуетъ довольно сильная экономическая связь.

Прибавимъ еще, что самыя большія изъ торговыхъ сдѣлокъ на Сѣверѣ, нерѣдко имѣютъ своимъ срокомъ нижегородскую ярмарку и что ротовская ярмарка, служа, съ одной стороны, рынкомъ для многихъ сѣверныхъ произведеній и, съ другой, представляясь, какъ продолженіе нижегородской, служить связующимъ звѣномъ между послѣдней и всѣмъ Сѣверомъ *).

Вотъ какими сторонами экономической жизни Сѣверъ соприкасается съ нижегородской ярмаркой; вотъ какіе изъ своихъ продуктовъ шлетъ онъ, на это всероссійское торжище. Конечно, эти отношенія Сѣвера къ Нижнему, въ настоящее время еще очень незначительны; но въ будущемъ, можетъ быть даже, очень недалекомъ, онѣ должны сложиться болѣе благоприятнымъ образомъ. Первымъ шагомъ къ достиженію такого результата будетъ то экономическое возрожденіе Сѣвера, которое неоспоримо дастъ ему проектированная мною, еще въ 1868 году, ярославско-архангельская желѣзная дорога **). Проходя изъ Ярославля, для сліянія Волги съ бѣлымъ моремъ, черезъ самыя бойкія мѣста Сѣвера—Даниловъ, Грязовецъ, Вологду, Кадниковъ, Верховажскій Посадъ, Вельскъ, село Благовѣщенское, Шенкурскъ, село Елецкое, Холмоторы и оканчиваясь въ Архангельскѣ, рельсовой путь этотъ неминуемо сдѣлается, такъ сказать, экономическимъ органомъ самыхъ развитыхъ богатыхъ мѣстностей и самыхъ крупныхъ насущныхъ интересовъ, къ сожалѣнію, заброшеннаго теперь всѣми, злполучнаго Сѣвера. Дорога эта, сокращая разстояніе между Сѣверомъ и самыми крупными рынками страны, сближая не-

*) Считаемъ, съ своей стороны, показанія автора настоящей статьи о связи нижегородской ярмарки не только съ Сѣверомъ вообще, но съ центромъ его экономической жизни, и притомъ наиболѣе сѣвернымъ—Архангельскомъ, не противорѣчаемъ съ словами г. Овсянникова, утверждающаго (см. выше, на стр. 9), что Архангельскъ имѣетъ свои, независимыя отъ нижегородской ярмарки, торговые управленія, но дополняемъ къ труду г. Овсянникова, не изучавшаго специально этого вопроса, тогда какъ г. Журавскій, какъ нами замѣчено въ примѣчаніи къ заглавію его статьи, довольно долго жилъ на Сѣверѣ, занимаясь изученіемъ экономической жизни этого обширнаго, далеко неизвѣданнаго и интереснаго края, и потому можетъ быть признанъ, въ этомъ отношеніи, вполне компетентнымъ судьей—Ред.

**) См. № 272 и 274 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», за 1868 годъ.

посредственно производителей съ потребителями, отсутствіе чего было до сихъ поръ единственной причиною экономическаго застоя Сѣвера, дать небывалое развитіе всѣмъ его матеріальнымъ силамъ. Тогда уже не удвоятся, а удесятятся продукты морского, лѣсного, рѣчнаго промысловъ, охоты, скотоводства, обработки ископаемыхъ веществъ; торговля приметъ небывалые до сихъ поръ размѣры. Если теперь (говоримъ это примѣрно) сѣверяне покупаютъ и продаютъ на нижегородской ярмаркѣ, положимъ, на миллионъ рубл. сер., то, при томъ развитіи своихъ производительныхъ силъ, которое доставитъ имъ осуществленіе моего проэкта, они будутъ покупать и продавать въ Нижнемъ на десять, двадцать милліоновъ. Этого одного было-бы уже вполне достаточно для того, чтобы желать Нижнему проведенія проектированной мною ярославско-архангельской желѣзной дороги. Но кромѣ этой, проэктъ мой сулитъ еще другую выгоду. Увеличивающіяся, прогрессивно, цѣны на всѣ сѣбствыя припасы, даютъ особенную, вполне государственную важность, нынѣшней хлѣбной торговлѣ. Извѣстно, что до сихъ поръ главнымъ рынкомъ ея былъ Рыбинскъ, и это сдѣлалось потому, что онъ былъ послѣднимъ судоходнымъ пунктомъ на Волгѣ, этой, по-истинѣ, кормилицѣ русскаго народа, и что въ немъ поселились тузы хлѣбной торговли. Но въ послѣднее время, въ этомъ отношеніи, произошла перемѣна, крайне невыгодная для Рыбинска, какъ центра внутренней русскаго хлѣбной торговли. Волга, которая съ каждымъ годомъ мелѣетъ все болѣе и болѣе, между Ярославлемъ и Рыбинскомъ, сдѣлалась особенно мелководна, что волжско-торговому движенію вообще и хлѣбнымъ грузамъ въ особенности, причиняетъ большой ущербъ. Стоитъ вспомнить о томъ, какъ въ 1868 г. на харчевенскомъ перекактѣ, между Ярославлемъ и Рыбинскомъ, стояли, около мѣсяца, 35 пароходовъ и около 300 баржъ, всѣ съ грузомъ. Говорятъ, что купечество теряло тогда, отъ этой остановки, по 200.000 р. с. ежедневно *). Слѣдовательно, за все время сидѣнія на мели, убытокъ простирался до 4 милліоновъ р. с. Извѣстно тоже,

*) См. № «Голоса», отъ 10 іюля 1868 г.

что, въ послѣднее время, Нижній сталъ сильно соперничать съ Рыбинскомъ въ хлѣбной торговлѣ, чему помогали упадокъ рыбнскихъ хлѣбныхъ операцій и то обстоятельство, что нѣсколько крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ живетъ теперь въ Нижнемъ. Съ осуществленіемъ проэктированной мною дороги, значеніе Ярославля еще болѣе усилится, что, въ свою очередь, нанесетъ сильный вредъ Рыбинску. А такъ какъ, по непреложному физическому закону, гибель одного изъ двухъ соперниковъ, всегда помогаетъ уцѣлѣвшему, то и пошатнувшееся, отъ развитія Ярославля, торговое значеніе Рыбинска, не можетъ не отозваться благотворно на Нижнемъ. Что Рыбинску грозитъ серьезная опасность, это можно доказать еще слѣдующимъ. До сихъ поръ онъ держался петербургскимъ портомъ, дѣла котораго, по замѣчанію одного изъ самыхъ компетентныхъ лицъ, негодіанта Золотарева, падаютъ уже теперь; съ открытіемъ-же либавской желѣзной дороги, по которой направятся всѣ, идущіе въ балтійское море, грузы, предпочитая не замерзающій во всю зиму портъ, онъ должны будутъ разстроиться окончательно. Наконецъ, при желѣзной дорогѣ на Сѣверъ, доставка груза изъ Ярославля въ Архангельскъ станетъ обходиться дешевле, чѣмъ изъ Ярославля въ Петербургъ. По вычисленію г. Фогеля, провозъ пуда клади, по первому направленію, будетъ стоить 11 коп., тогда какъ по второму 15. Это заставитъ предпочесть Архангельскъ Петербургу, тѣмъ болѣе, что, по мелководью петербургскаго бара, провозъ отъ станціи желѣзной дороги въ портъ стоитъ еще немало, а этого расхода въ Архангельскѣ уже быть не можетъ. Однимъ словомъ ярославско-архангельская желѣзная дорога, отодвигая на задній планъ Рыбинскъ и экономическимъ возрожденіемъ Сѣвера, усиливая торговыя связи этого края съ нижегородской армаркой, общаетъ своимъ осуществленіемъ самыя положительныя выгоды Нижнему.

Однако, какъ ни странно это, никто изъ людей, желающихъ преуспѣванія нижегородской армаркѣ, не обратилъ вниманія на мой проэктъ; скажу болѣе—было печатно заявлено, что для благосостоянія Сѣвера нужна только одна вятско-двинская

желѣзная дорога. Это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что Сѣверъ, его нужды и желанія—составляютъ у насъ до сихъ поръ еще terra incognita. Но все-таки мы должны доказать всю ошибочность подобнаго взгляда, и мы дѣлаемъ это, на основаніи слѣдующихъ доводовъ. Начать съ того, что линія вятско-двинская и ярославско-архангельская не могутъ удовлетворить однимъ и тѣмъ-же потребностямъ, хотя одна несколько не вредитъ другой, и поэтому соперничество ихъ мнимое, искусственное, созданное досужимъ воображеніемъ мало знакомыхъ съ дѣломъ, или нежелающихъ добра Сѣверу людей. Сѣверъ такъ громаденъ, что не только эти двѣ линіи, но еще архангельско-петербургская, вологодско-устюжско-архангельская, съ цѣлою сѣтью питательныхъ линій между ними, могли-бы существовать тамъ, ни мало не вреда одна другой и несколько не дѣлая избытка. Мы видѣли уже, что ярославско-архангельская линія должна будетъ поднять всю производительность Сѣвера, что никакъ не можетъ быть достигнуто вятско-двинскимъ направленіемъ. Различнымъ сѣвернымъ продуктамъ нуженъ сбытъ; но развѣ можетъ его доставить вятско-двинскій путь? Вѣдь не въ Вяткѣ-же могли-бы купить миллионы пудовъ рыбы, сала, ворвани, кожъ, мѣховъ, мяса, дичи, смолы, дегтя, бору, желѣза, соли, которые Сѣверъ можетъ продать? Не изъ Вятки тоже можно получить все, нужное для Сѣвера; въ томъ и другомъ отношеніи Сѣверу нужна Москва и средняя Россія; но, въ такомъ случаѣ не для чего дѣлать нѣсколько-сотъ-верстный объѣздъ на Вятку. Вятско-двинская линія имѣетъ свое, особенное, строго опредѣленное назначеніе: она нужна для того, чтобы излишекъ вятскаго хлѣба можно было скоро и дешево, черезъ Архангельскъ, отправить за-границу—и только. Но, повторяемъ, производительности Сѣвера помочь она никогда не въ состояніи. Говорятъ еще, что вятско-двинская линія не позволитъ голодать болѣе сѣверному населенію. Говоримъ смѣло, что это заблужденіе. Привести хлѣбъ на Сѣверъ, дешево и скоро, она можетъ—это правда; но значить-ли это, что голода уже не будетъ. Вѣдь между наличностью хлѣба въ продажѣ и обеспеченностью имъ населенія находится громадная разни-

па. Въ 1867 году, когда на Сѣверѣ люди буквально умирали отъ голода, хлѣба въ продажѣ было тамъ довольно. Архимандритъ Кириллъ, въ своихъ письмахъ изъ пертоминскаго монастыря, въ газету «Москва», рассказывая о голодной смерти мѣщанина Желѣзника и нѣкоторыхъ другихъ, говорилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ той мѣстности, у многихъ кулаковъ-торгашей, было много хлѣба. Дѣло значитъ не въ томъ, полны-ли амбары, а есть-ли у населенія столько средствъ, чтобы на нихъ купить нужное количество хлѣба. Эти средства Сѣверъ можетъ получить лишь съ развитіемъ своей производительности; но этому развитію вятско-двинская линія ничего не поможетъ, слѣдовательно доставляемый ею хлѣбъ не можетъ еще предотвратить голода на Сѣверѣ. Кромѣ того, изъ Ярославля хлѣбъ можно будетъ доставить по ярославско-архангельской желѣзной дорогѣ, также дешево и скоро, какъ и по вятско-двинской; слѣдовательно, даже и въ этомъ случаѣ, преимущество послѣдней падаетъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что вятско-двинская дорога врядъ-ли окупится, тогда какъ линія ярославско-архангельская, по мнѣнію друзей ея и недоброжелателей, бездоходной, ни въ какомъ случаѣ, быть не можетъ. Проходя по малонаселеннымъ, безлюднымъ и малокультурованнымъ мѣстамъ, вятскій путь не можетъ расчитывать на, такъ называемые, промежуточные грузы и пассажирское движеніе. Предназначаемый, исключительно, для перевозки избытка вятскаго хлѣба къ архангельскому порту, онъ, такимъ образомъ, будетъ имѣть грузы только въ одну сторону—отъ Вятки къ Сѣв. Двинѣ, и станетъ работать лишь въ періодъ двинской навигаціи, продолжающейся всего три мѣсяца. потому, что въ другое время не для чего будетъ вести хлѣбъ къ Архангельску. когда оттуда нельзя будетъ славить его за-границу. Короче, вятскій путь, не общающій продержаться самъ собою, а слѣдовательно требующій громадныхъ на себя затратъ, можетъ оказать пользу не Сѣверу, а одной лишь вятской губерніи и отчасти архангельскому порту.

Поддержка нижегородцами вятско-двинской дороги, положительно, противорѣчитъ ихъ собственнымъ интересамъ. Если

уральская дорога пройдет на Пермь и Кострому, то нижегородскому краю вообще и нижегородской ярмаркѣ, въ особенности, нанесенъ будетъ этимъ положительный вредъ. Съ другой стороны, защитники сѣвернаго направленія, очень хорошо понимая то, что дорога, проходящая по лѣсамъ и болотамъ, мало можетъ имѣть значенія, связываютъ судьбу ея съ вятско-двинской линіей, которая страдаетъ тѣми-же самыми недостатками, но считается нѣкоторыми полезной, будто-бы, для снабженія Сѣвера хлѣбомъ. Паденіе вятско-двинской дороги уменьшить шансы пермско-костромской, и наоборотъ. Слѣдовательно, поддерживая вятскій путь, нижегородцы усиливаютъ этимъ значеніе сѣвернаго направленія, которое для нихъ положительно невыгодно. Надъ этимъ стоило-бы призадуматься...

В. М. Журавскій.